

Тхамокова Ирина Хасановна

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Задача статьи – выявить различные этнокультурные традиции в календарных обрядах и обрядовых песнях терского казачества. Выделяются как русские (в том числе севернорусские и среднерусские), так и украинские обряды и песни, как общие для казачества и крестьянства, так и характерные преимущественно для казачества и населения некоторых городов. Казачество многих терских станиц имело смешанное происхождение, поэтому встречались одновременно и русские, и украинские обряды и обрядовый фольклор.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 177-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

40. **Tizard B.** Inter-country Adoption: a Review of the Evidence // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1991. Vol. 32. № 5. P. 743-756.
41. **Young A.** Developments in Inter-country Adoption: from Humanitarian Aid to Market-Driven Policy and Beyond. L.: Adoption & Fostering, 2012. Vol. 36. № 2.
42. **Weil R.** International Adoptions: the Quiet Migration // International Migration Review. 1984. Vol. 18. № 2. P. 276-295.
43. **Zigler E.** A Developmental Psychologist's View of Operation Babylift // American Psychologist. 1976. Vol. 31. № 5. P. 329-340.

MODERN PERIODIZATION OF INTERNATIONAL ADOPTION PROCESS

Tatarintseva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Law
Institute of Caucasian Peoples' Friendship (Branch) in Svetlograd
tatarintseva67@mail.ru

The author discusses the modern periodization of international adoption process, which necessity is conditioned by the re-interpretation of the role of the Russian Federation in international adoption as a "state of origin"; analyzes the foundations of international adoption periodization, suggested by foreign scientists, which have not been studied in the Russian science; compares them with those foundations of periodization, which are used in the Russian family law; describes the historical development periods of international adoption process; and comes to the conclusion about the necessity to consider the process of international adoption in the Russian Federation not from national, but from global perspective as an integral part of global development process.

Key words and phrases: international adoption; foundations of periodization; "humanitarian response"; "period of reciprocity"; commercialization of international adoption; globalization.

УДК 394.262(=161)

Исторические науки и археология

Задача статьи – выявить различные этнокультурные традиции в календарных обрядах и обрядовых песнях терского казачества. Выделяются как русские (в том числе севернорусские и среднерусские), так и украинские обряды и песни, как общие для казачества и крестьянства, так и характерные преимущественно для казачества и населения некоторых городов. Казачество многих терских станиц имело смешанное происхождение, поэтому встречались одновременно и русские, и украинские обряды и обрядовый фольклор.

Ключевые слова и фразы: календарная обрядность; терское казачество; гребенское казачество; Рождество; Масленица; Троица.

Тхамокова Ирина Хасановна, к. ист. н.
Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
otarakana@mail.ru

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА[©]

Терское казачество формировалось на протяжении трех веков, начиная с XVI в. и до середины XIX в. При этом большая часть терских станиц появилась только в конце XVIII в. и в XIX в. В состав терского казачества вошло несколько различных социальных и этнических групп: волжские и донские казаки, русские и украинские крестьяне, однодворцы, отставные солдаты, а также осетины, кабардинцы, грузины. Обрядность и фольклор терского казачества складывались на основе нескольких этнокультурных традиций (даже если не принимать во внимание казаков кавказского происхождения).

Календарная обрядность терского казачества до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя несколько небольших работ на эту тему было опубликовано. Как наиболее полную и обстоятельную можно отметить статью Е. М. Белецкой, Н. Н. Великой и В. Б. Виноградова. Она основана главным образом на полевых материалах, собранных авторами в гребенских станицах [1, с. 51]. Гребенские казаки – старейшая группа терского казачества, их обряды представляют большой интерес для этнографии и фольклористики, но они составляли население только 5 терских станиц. Кроме них на Тереке много других станиц и других по происхождению групп казачества, чья обрядность и фольклор остаются почти не исследованными. Кроме того, авторы статьи не ставили перед собой цель изучить этнокультурные варианты в календарной обрядности терского казачества. Хотя они обратили внимание на различие между обрядами старообрядцев и православных казаков или на сходство некоторых терских колядок с украинскими [Там же, с. 52, 53], все же происхождение, этничность большинства календарных обрядов остались неизвестными.

Задача настоящей статьи – выявить в календарной обрядности терского казачества различные этнокультурные традиции, объясняемые гетерогенностью этой группы. Работа основана на составленных

в XIX – начале XX в. описаниях календарных обрядов нескольких терских станиц, а также на собственных полевых материалах автора. Они были собраны в 1986-2005 гг. в станицах Кабардино-Балкарии, которые не были охвачены исследованиями других ученых. В этих станицах представлено несколько групп терского казачества: 1) потомки волжских казаков (станция Екатериноградская); 2) потомки отставных солдат (Солдатская, Котляревская, Александровская); 3) потомки однодворцев (Приближная); 4) потомки «малороссийских казаков» (Пришибская); 5) потомки украинских крестьян (Прохладная и часть населения всех остальных станиц). Все эти разные по происхождению группы вошли в состав казачества.

Изучение календарной обрядности осложняется тем обстоятельством, что источники XIX в. не содержат полных и развернутых ее описаний, они очень кратки и нередко фрагментарны. Полевые материалы отражают поздний период бытования обрядности, когда многие обряды были уже забыты. Поэтому выводы исследования имеют предварительный и предположительный характер.

В календарной обрядности и фольклоре терских казаков можно выявить как русские, так и украинские традиции. В этом отношении терское казачество не отличалось от крестьянства южной России, а также от донского и кубанского казачества. Как писал один из известнейших исследователей русского фольклора и обрядности В. И. Чичеров, в этих районах сосуществовали «русские и украинские колядки, среднерусский овсень и украинские щедривки» [13, с. 117]. Это в полной мере можно отнести и к календарной обрядности, и фольклору терских казаков.

Примером русского обрядового фольклора может служить колядка, записанная несколько лет назад в станице Екатериноградской: «Коляда, коляда! / Пришла коляда накануне Рождества...» [8, Кривко]. Она почти дословно повторяет первую часть песни, которая была опубликована еще в 1838 г. и являлась, по мнению В. И. Чичерова, характерным типом русской величальной колядки [13, с. 123]. В XIX в. подобные колядки бытовали в различных регионах России (в Новгородской, Псковской, Ярославской и др. губерниях) [7, с. 53-54, 61-62].

Другая, не менее характерная, русская обрядовая песня была отмечена в начале XX в. в станице Наурской, где во время святок ряженые пели «под окнами разные стишки языческого происхождения» и получали от хозяев вознаграждение. За ними бегали дети, «немилосердно крича: “Ой, Овсенька! / Скакал, скакал козлик...”» [5, с. 279]. Похожая по содержанию детская колядка была записана во Владимирской губернии [7, с. 69-70]. Подобные песни имели распространение и в других губерниях, но только в Центральной России и в Поволжье. «Овсень» не был известен ни на севере России, ни на Украине [13, с. 117], но являлся наиболее известной среднерусской рождественской или новогодней песней.

К русскому фольклору, видимо, можно отнести и некоторые колядки-просьбы с требованием вознаграждения и колядки-угрозы, хотя песни такого типа имели распространение и на Украине.

Многие обряды, совершавшиеся на Троицу, также очень близки к обрядности русского крестьянства. Например, в станице Екатериноградской существовал обычай завивать и развивать венки [12, с. 33]. Во многих терских станицах девушки плели венки и бросали их в реку, гадали по этим венкам. Это также скорее русская традиция, у украинцев подобные обычаи обычно были связаны с днем Ивана Купалы. И бесспорно русской, хотя едва ли очень древней, является песня, сопровождавшая этот обряд во многих станицах: «...Мой веночек потонул, тонул, тонул, / Верно, милый обманул» [8, Дьяченко]. Она была известна также во многих русских селах далеко от Кавказа [10, с. 210].

Большим своеобразием отличалась обрядность старейших групп терского казачества – гребенских и терско-семейных казаков. Некоторые календарные обряды существовали только в этих станицах и не были известны другим группам терского казачества.

Это относится к обрядовой масленичной игре в «города». Девушки с палками в руках становились на длинную скамейку – это был «город». На них нападали молодые казаки верхом на лошадях, девушки отбивались палками [3, с. 39-40; 11, с. 225-229]. Кому из казаков удавалось дотронуться до девушек, тот мог их поцеловать. Этот обычай немного напоминает «взятие снежного городка» – игру, известную разным группам казачества [9, с. 589] (но неизвестную в большинстве терских станиц). И в том, и в другом случае название игры связано с городом. Но только у гребенских и терско-семейных казаков этот «город» не был построен из снега, что связано, видимо, с природными условиями Кавказа. Похожая обрядовая игра была известна и некоторым народам Кавказа, например адыгам, но у них она была приурочена не к календарным праздникам, а к свадьбе. Впрочем, едва ли это является следствием заимствования, скорее можно предполагать их независимое появление у разных народов.

«Взятие снежного городка» было популярной обрядовой игрой в некоторых городах Поволжья и особенно в Сибири, куда ее занесли, видимо, служилые люди [10, с. 51-52]. Не исключено, что и на Кавказ эта игра была занесена из городов Поволжья. Известно, что в XVII в. в городе Терки служили стрельцы и городовые казаки, переведенные туда из других городов. Часть из них осталась на Кавказе и могла войти в состав гребенского и терско-семейного казачества. Календарная обрядность, таким образом, отражает особенности происхождения той или иной группы казачества.

Еще один оригинальный гребенский обряд совершался на Троицу. В этот день во всех или почти во всех терских станицах девушки плели венки из цветов, бросали их в воду, гадали по этим венкам. Но только в нескольких самых старых станицах вместе с венками вниз по Тереку пускали «корабли». В станице Курдюковской это была лодка красного цвета, в Червленой – маленькая модель корабля с мачтами и снастями, в Гребенской – просто доска. Корабль украшали венком, на него помещали кукол в казачьих костюмах. Когда корабль

спускали на воду, в него стреляли, стараясь утопить. Как отмечают в своей статье Е. М. Белецкая, Н. Н. Великая и В. Б. Виноградов, «в общерусской Троице ничего подобного нет» [1, с. 59], однако подобного обычая не существовало и в большинстве терских станиц. Он был записан лишь в нескольких гребенских станицах. Как предполагают авторы упомянутой статьи, этот обряд «заставляет вспомнить гипотезу о новгородских ушкуйниках» как предках гребенских казаков [Там же, с. 60]. Эта гипотеза остается до настоящего времени недоказанной, но обряд, точнее сопровождавшая его песня, действительно может служить свидетельством каких-то давних контактов казаков с жителями севера России. В песне упоминается Марина Кайдаровна [Там же, с. 59], а героиней одной былины, записанной очень далеко от Кавказа, на Белом море, является Марина Кайдаловна [2, с. 429-433]. Совпадает не только имя героини, но отчасти и содержание песни и былины: в песне Марина «царит-королюет» в некоей «иной земле», на море, а в былине она княжит в городе Корсуне, тоже на море. В песне непогода заносит к этой земле корабль, в былине такая же непогода заносит к городу три корабля. В некоторых других русских былинах и песнях также фигурирует Мария Кайдаловна, но к песне гребенских казаков ближе всего именно беломорская былина, наиболее удаленная от нее географически. Едва ли это можно считать случайным совпадением. Скорее это проявление каких-то фольклорно-этнографических связей.

Многие календарные обряды и сопровождавшие их песни терских казаков имели явно украинское происхождение. Это относится к некоторым колядкам, особенно на религиозные темы. Они были известны во многих станицах. Как считает В. И. Чичеров, «в составе русских колядок обнаруживаются только реалистично-бытовые сюжеты», тогда как у других славянских народов, в том числе и украинцев, в рождественских и новогодних песнях нередко встречаются «христианско-религиозные образы» [13, с. 144]. В колядках терских казаков чаще всего поется о рождении Иисуса, иногда о его распятии. Представления казаков об этих событиях нередко не совпадали с ортодоксальными догмами.

От колядок следует отличать песни, сопровождавшие другой рождественский обряд. В большинстве, если не во всех, терских станиц группы детей или молодежи ходили «рождествовать» или «Христа славить», носили звезду, сделанную из бумаги, пели песню о рождении Христа, но это была не колядка, а церковный тропарь «Рождество твое...». Они тоже получали вознаграждение.

Содержание некоторых терских колядок сводилось к требованию вознаграждения: «Колядын, колядын / Я у батька одын / Коротенький кожушок, / Дай, бабка, пирожок» [8, Назаренко] и иногда содержало угрозы увести корову или быка в случае отказа. Они полностью совпадали с украинскими детскими колядками.

Щедровать перед Новым годом – это скорее украинский, чем русский обычай [14, с. 382]. Точнее говоря, у украинцев, в отличие от русских, существовали особые песни – щедровки, сопровождавшие этот обряд. «В большинстве местностей русское население не разделяло песен соответственно их названиям по праздникам (к Рождеству, к Новому году, к Крещению); это отличает восприятие русскими своей новогодней поэзии от восприятия ее, например, украинцами, у которых колядка определяется как рождественская песнь, щедровка как новогодняя» [13, с. 115]. На Тереке щедровки были известны не только в тех станицах, где жили выходцы с Украины, но и там, где большинство населения составляли русские.

Во многих станицах пели щедровки (как и колядки) религиозного содержания или связанные так или иначе с религией. Пример – щедровка из станицы Котляревской («Как сел Сус Христос да и вечерять») [8, Мироненко]. Большинство щедровок имело припев «Щедрый вечер, / Добрый вечер / Добрым людям / На здоровье».

Другие щедровки сводились к требованию вознаграждения, например: «Щедрик-ведрик, / Дай вареник...» [Там же, Головки]. Они совпадают с щедровками, записанными на Украине [6, с. 523-527], откуда, видимо, и были занесены на Кавказ.

Еще один новогодний обряд также исполняли во многих, если не во всех, терских станицах. Ранним утром 1-го января группы мальчиков, реже взрослых мужчин, ходили «посевать». Они приносили с собой в карманах или в холщовой сумке зерно: пшеницу, кукурузу, подсолнух, просо. Со словами «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю» они разбрасывали это зерно. Хозяева одаривали их. Обряд сопровождался песней, часто в ней были слова: «А в поле-поле / Сам плужок ходэ», а далее говорилось о том, что в поле сам плужок ходит, а за плужком ходит Господь, что дева Мария ему есть носила и просила зародить жито и пшеницу, и о том, как Илья ходит по полю и машет «пугой» (кнутом). Там, где он машет, растет жито и пшеница [8, Мироненко, Сагайдак]. Очень похожие «засевалки» были известны на Украине [6, с. 538-539]. В. И. Чичеров также отмечал «нехарактерность для русских обряда новогоднего засева», в то время как у украинцев он встречался часто [13, с. 70]. Этот обряд имел распространение во многих терских станицах, включая и те, в которых казачество было преимущественно русским по происхождению (в станицах гребенских казаков, в станицах Котляревской, Александровской и других).

В некоторых станицах перед Новым годом наряду с щедровками пели песню о Маланке (Мыланке). Эта песня также была распространена на Украине [6, с. 576-594; 15, с. 55] и на Кавказ попала вместе с украинскими переселенцами. Причем если в станице Пришибской, где жили бывшие «малороссийские казаки», эту песню и пели по-украински [8, Сагайдак], то в Старогладковской и Червленной, старых терских станицах, где в середине XIX в. рядом с гребенскими казаками поселились выходцы с Украины, был записан русский вариант этой песни [4, с. 72]. На Украине песни о Маланке были частью новогоднего обряда с определенным сюжетом и составом действующих лиц, с особыми костюмами и масками. У терских казаков ничего этого не было, у них осталась только песня.

Характерный для украинской Масленицы обычай – «колодка» – был известен в некоторых терских станицах. Если кто-то из женщин зимой, до конца Масленицы, не выдавал замуж взрослую дочь или не женил сына, то в

первый понедельник после Масленицы к ним приходила группа женщин, реже женщин и мужчин вместе, «вязать колодку», т.е. привязать к ноге или руке толстую палку [8, Занько]. В качестве выкупа такая женщина должна была выставить угощение. Реже колодку привязывали отцу девушки или самой девушке, если она до 20 лет не вышла замуж [Там же, Сагайдак, Хауст]. Иногда девушке вместо колодки повязывали платок через плечо.

Поскольку украинцы вошли в состав казачества очень многих станиц, то и украинские по происхождению обряды и фольклор имели очень широкое распространение на Тереке. Даже в старейших гребенских станицах наряду с русскими, казачьими обрядами и фольклором бытовали и украинские колядки, и щедровки, и «засевалки», и обычай вязать «колодку» на Масленицу [2, с. 52-57].

Гетерогенность терского казачества отразилась в его календарной обрядности. В ней (если не считать казаков кавказского происхождения) можно выделить как русские, так и украинские обряды и фольклор. Среди русских можно найти и северно-, и среднерусские обряды и песни. Большинство календарных обрядов и обрядовых песен терских казаков имело близкие аналогии в обрядности русских и украинских сел Северного Кавказа и других регионов. Одна из масленичных игр (взятие города) старейших групп терского казачества – гребенских и терско-семейных казаков – обнаруживает сходство не с крестьянской обрядностью, а только с ритуалами других групп казачества и горожан. Казачество многих терских станиц имело смешанное происхождение, поэтому там встречались одновременно и русские, и украинские обряды и обрядовый фольклор.

Список литературы

1. **Белецкая Е. М., Великая Н. Н., Виноградов В. Б.** Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 50-63.
2. **Беломорские былины** / записаны А. Марковым, предисл. В. Ф. Миллера. М.: Этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1901. 618 с.
3. **Бутова Е.** Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1889. Вып. 7. Отд. 1. С. 3-156.
4. **Водарский В. А.** Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1908. Вып. 39. Отд. 2. С. 57-80.
5. **Востриков П. А.** Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 102-309.
6. **Колядки та щедрівки:** зимова обрядова поезія трудового року / упоряд., передмов. і примітки О. І. Дей; ред. М. Т. Рильський. Київ: Наукова думка, 1965. 804 с.
7. **Обрядовая поэзия** / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. 734 с.
8. **Полевые материалы автора:** г. Прохладный (информант Е. В. Головкин, 1908 г.р.); г. Майский (информанты: К. А. Назаренко, 1916 г.р.; М. К. Сагайдак, 1909 г.р.; М. И. Хауст, 1894 г.р.); ст. Екатериноградская (информанты: М. Н. Дьяченко, 1936 г.р.; В. В. Кривко, 1907 г.р.); ст. Котляревская (информант О. Д. Мироненко, 1928 г.р.); ст. Солдатская (информант А. А. Занько, 1895 г.р.).
9. **Русские: история и этнография** / ред. И. В. Власова и В. А. Тишков. М.: АСТ; Олимп, 2008. 752 с.
10. **Соколова В. К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.
11. **Терцы:** сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1888. 288 с.
12. **Урусов С. М.** Станица Екатериноградская, Терской области, Моздокского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1904. Вып. 3. Отд. 2. С. 1-34.
13. **Чичеров В. И.** Зимний период русского земледельческого календаря: очерк по истории народных верований // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т. XL. 236 с.
14. **Этнография восточных славян:** очерки традиционной культуры / отв. ред. К. В. Чистов. М.: Наука, 1987. 556 с.
15. **Яцимирский Б. М.** «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения // Этнографическое обозрение. 1914. № 1-2. С. 46-77.

CALENDAR RITES AND ETHNO-CULTURAL HETEROGENEITY OF TEREK COSSACKS

Tkhamokova Irina Khasanovna, Ph. D. in History

*Institute of Classical Researches of Kabardino-Balkaria Scientific Center of Russian Academy of Sciences
omarakana@mail.ru*

The author reveals various ethno-cultural traditions in the calendar rites and ritual songs of Terek Cossacks, singles out not only the Russian (including Northern Russian and Central Russian) but Ukrainian rites and songs, common to both Cossacks and peasants, and typical mainly of Cossacks and the population of some towns, and tells that Cossacks of many Terek villages had mixed ancestry, so there existed both the Russian and Ukrainian rites and ritual folklore.

Key words and phrases: calendar ritualism; Terek Cossacks; Mountain (Grebenskie) Cossacks; Christmas; Pancake Week; Trinity.